

Анатолий
Матвийчук

Щербатая луна

П р о з а

Анатолий Матвийчук

Щербатая луна. Проза

«Издательские решения»

Матвийчук А.

Щербатая луна. Проза / А. Матвийчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965765-7

«Щербатая луна» — мужской взгляд на войну и мир, на боевое братство и на дельцов-карьеристов, на обывателей и «граждан мира», на героев и равнодушную чернь. Офицер спецназа Анатолий Матвийчук с высоты пройденного пути даёт оценку времени, подвигу и судьбе. © Сычева Лидия, составление, 2019

ISBN 978-5-44-965765-7

© Матвийчук А.
© Издательские решения

Содержание

Первый бой	6
Я – «Тридцатый»! Иду на помощь	9
Боль	13
С минимальными потерями	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Щербатая луна

Проза

Анатолий Матвийчук

Дизайнер обложки Борис Сомов

Редактор Светлана Руденко

© Анатолий Матвийчук, 2019

© Борис Сомов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5765-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый бой

– Мам! Мам! А лето, оно какое? Оно пришло?

– Спи. Лето красивое. Пойдешь завтра на горку, если увидишь желтую солому, значит, пришло.

Толик засыпал, перед глазами стояла горка, на которой он с соседскими мальчишками сегодня гонял.

Солнце ударило в глаза. Толик потянулся и вдруг вспомнил: «Лето! Оно пришло или нет?».

Лейтенант Анатолий Матвеев открыл глаза. Сладкий детский сон напомнил ему безоблачное детство и теплые руки мамы.

Отряд, в котором служил Матвеев, стоял лагерем в городе Меймене. Лейтенант вышел из палатки. Городок, еще не устроенный, но уже напоминающий полотняный город, творение рук воинских, располагался вдоль взлетно-посадочной полосы полевого аэродрома.

Лейтенант подошел к баку, попил, брызнул в лицо прохладной водой. Вода была привозная, поэтому каждая капля ценилась.

– Пойду в столовую, – решил Матвеев.

Столовая выполняла еще и роль клуба. Попивая неторопливо чай, офицеры и прапорщики лениво переговаривали всякую всячину. Новости из Союза, ночные приколы заместителя командира отряда, а также шутки о том, что сегодня 7 ноября и неплохо бы как-то скрасить боевые будни.

Боевые – с натяжкой: отряд в бою еще не бывал. Роты, группы несли боевое дежурство, обустроивали лагерь, готовили вооружение. Солдатский телефон упорно разносил весть, что после праздников наступят настоящие боевые дни.

А пока – он ему: «Стой! Освети лицо!» А тот: «Я тебе освещу!» Дождался, когда дойдет до коровьей лепешки. «Ложись! Стреляю!» – это прапорщик Коля Пильганский смакует ночной вояж заместителя командира отряда. Он, как правило, подкрадывался к зазевавшемуся солдату, и тогда попадало всем, от сержанта до лейтенанта. Солдаты решили его проучить, и как только что Пильганский поведал, успешно.

Матвеев поел. Решил сходить к командиру. Командир роты и группа управления расположилась в разрушенном доме, обнесенном глиняным дувалом. Шагая, Матвеев отметил, что ротный уже успел организовать секрет на подходе к расположению.

За столом сидели командир роты, замполит и заместитель командира роты по технической части.

– А, Матвей! Заходи!

Это командир роты Талай.

– Что на позициях? Схему огня принес?

У ротного была привычка – засыпать взводных вопросами в любое время дня и ночи. Рота считалась в отряде лучшей, что давало возможность Талаю немножко свысока разговаривать с подчиненными офицерами.

– Да, все в порядке. Схему практически закончил, к вечеру принесу.

Коренастый и черненький Толик еще в училище был прозван Матвеем.

А вот замполит роты Бато. Уроженец Якутии. Всегда уравновешенный и мудрый:

– Ты личный состав поздравил? Я старшине сказал, пару банок сгущенки вечером тебе подкинет.

Сергея Литвинов, заместитель командира роты по технической части, молча копался с серым ящиком. Это был обыкновенный ящик, который в Союзе был в каждой канцелярии.

Есть! Серега как-то особенно крикнул и открыл ящик. В нем, завернутые газетой как снаряды в упаковке, лежали четыре бутылки рома. Еще союзного, довоенного.

– Серега! Откуда!?

Три голоса с одним и тем же вопросом.

Спокойно, с достоинством: «Товарищи офицеры, техзамыкание на высоте. Пока в Кирках вы песни пели, я обследовал близлежащие магазины. В одном из них нашел это богатство. Старый магазинщик уговорил купить. Водку, говорит, наши еще берут, а это – никак. Чтобы вы ром не нашли, я спрятал его в ротную документацию. До прибытия, как я полагал, вы ею не будете пользоваться. Так что с праздником!».

– Серега, ты гений! Дежурный! Циркулярно. Командирам групп к командиру роты! Быстро!

Через десять минут старшие лейтенанты Миша Усенов и Алик Агзамов были на командном пункте роты. Расчеты произвели! Схемы составили! Докладывают, а сами косятся на стол, где поблескивает красными разводами ром.

– Ну, товарищи офицеры, пять капель за праздник, и на позиции.

Командир роты разлил ром.

– Ну что, первый праздник на земле афганской. Будем здоровы!

Ром огненной струйкой побежал по горлу. Матвеев вспомнил, что такой же ром они пили с братом этим летом в одном из ресторанов Киева. Прошло три месяца, и вот Афган. Закрыв глаза, стало уютно и тепло.

– Толик, спой!

Это Алик Агзамов подал гитару. Толик, подстроив гитару, начал петь «Москву златоглавую» – любимую песню офицеров роты.

– Товарищ старший лейтенант, – это дежурный, командиру роты. – Семнадцатый на связи.

– Я десятый, на приеме.

– Десятый, наблюдаю перемещение группы женщин и детей на окраине города.

– Понял, усилить наблюдение.

– Товарищи офицеры, с праздником вас! Прошу всех вернуться на позиции.

Командиры поднялись, двинулись к своим подразделениям.

Группа Матвеева находилась за взлетной полосой, занимая оборону на трех БМП. В отсутствие командира старшим оставался старший сержант Муханов. Матвеев был на полпути к позициям, когда красноватый и горюче-горький взрыв взорвал тишину. Посреди взлетно-посадочной полосы медленно оседал столб пыли. Радиостанция, болтавшаяся на боку, ожила: «Восьмидесятый (позывной комбата), я тридцатый (третья рота), обстрелян из миномета...».

Эфир накалялся с каждой минутой. Каждый старался доложить, что у него происходит, надеясь, что с его докладом произойдет чудо и эта непонятная стрельба утихнет. Матвей прыжками понесся к своей машине. Боковым зрением он отметил, что взвод занял выкопанные траншеи, но огня не открывал, ждал команды. На командирском месте сидел Муханов:

– Товарищ лейтенант!

Матвеев быстро надел шлемофон:

– Я семнадцатый! К бою!

Командиры отделений продублировали команду. Поворачивая прибор наблюдения, Матвеев пытался увидеть, что происходит на подступах к позиции.

– В эфире. Я восьмидесятый! Всем стой. Прекратить огонь! Осмотреться!

Матвеев, поворачивая прибор, заметил непонятные тени. Присмотрелся – духи! Духи! Уничтожить из пулемета!

Башня пошла вправо, остановилась и, дергаясь, стала поливать четвертый ориентир огнем из пулемета. Тени заметались по полю. Впереди машины взметнулся шлейф дыма и огня. Через люк в машину вполз едкий дым.

– Из гранатомета, гады! Внимание! Я семнадцатый. Над четвертым. Осколочным. Огонь!

Три машины коротко рывкнули, и трассеры выстрелов расчертили пространство.

– Аллах Акбар!

Значит, верно.

– Я семнадцатый. Ориентир четыре! Расход три! Огонь!

Спокойствие, Матвей. Спокойствие.

– Я тридцать третий, наблюдаю движение вдоль полосы взлета.

– Семнадцатый! Я восьмидесятый! Противник с тыла! Уничтожить!

– Внимание! Я семнадцатый! За мной марш!

БМП Матвеева дернулась, задом вышла из капонира. Одновременно вышли еще две машины. Маленькая колонна, неслышимая в грохоте боя, а батальон вел бой, рванула к взлетно-посадочной полосе.

Духи обнаружили себя вспышками огня.

– Я семнадцатый, противник вдоль полосы взлета!

– Уничтожить!

Борта БМП осветились огнем. Десантники приступили к уничтожению противника. Артиллерийская батарея рывкнула, и в небе повис огненный шар, как прожектор, освещающий местность. В это время машина Матвеева дернулась, и как-то неправильно, недопустимо, дала крен, наскочила на камни и заглохла.

– Серик, в чем дело? Серик!

Механик-водитель молчал. Матвеев выскочил из люка и нагнулся над ним. Серик Иманжанов, механик-водитель командира взвода, лежал головой на штурвале. С виска стекала кровь.

– Слава, ко мне! – наводчик-оператор выскочил из люка и стал на ребристый лист. – Помоги!

Вдвоем они вытянули тяжелое тело Серика, передали его в десант. Матвеев сам сел за штурвал.

– Внимание! Я семнадцатый! Отходим на свои позиции!

– Семнадцатый, я восьмидесятый! Что там у тебя?

Что сказать, Матвеев не знал. Это уже потом он научится словам.

– У меня трехсотый! У меня двухсотый!

А сейчас он и его солдаты переступили черту. Сегодня была война. Она для лейтенанта Матвеева и его взвода началась внезапно, в праздник. Она навсегда разделила их жизнь на «до» и «после».

– Я – семнадцатый. Всем! Стой! Врача на позицию!

Я – «Тридцатый»! Иду на помощь

Вертолет падал. Гордая винтокрылая машина еще минуту назад красовалась в голубом сиянии неба, неслась по небосводу.

– Командир! Трасса!

Летчик увидел вспышку и трассу от ракеты. Он попытался отвернуть. Машина рванула вправо, и тут раздался взрыв. Взрыв произошел где-то возле винта. По корпусу пробежала дрожь и наступила тишина. Двигатель престал работать. Вертолет завалился на борт, клюнул носом и пошел вниз. Летчик держал в руках ручку управления, ноги пытались еще давить на педали. Вертолет падал! Борттехник, что-то кричал. Летчик не слышал его. Он пытался предотвратить падение!

Но вертолет рухнул на камни, сполз и затих. Экипаж вертолета через двери вертолета выскочил на площадку. Быстро отбежали. В ходе перебежки техник ойкнул и повалился на землю.

– Командир, меня ранили!

Командир был молодой парень с густой, огненно-рыжей шевелюрой. Он подхватил техника и прыжком упал за валун. В небе одиноко кружил вертолет. Это был его ведомый.

Рыжий достал радиостанцию.

– Я четыре полсотни пять! Сбит! Прошу помощи!

Ответ прозвучал немедленно.

– Рыжий, я ухожу на базу! К тебе уже летят две вертушки! В ближайшее время по земле должны подойти десантники. Держись! Все будет хорошо!

С первыми лучами солнца лейтенант поднимался и выходил на пробежку. Маршрут вокруг лагеря, где стояли его боевые машины десанта на боевом дежурстве, равнялся приблизительно трем километрам. Пробегая мимо позиций, Матвеев видел, как экипажи несут службу. При необходимости он останавливался и вызывал кого-нибудь из сержантов, чтобы заслушать их доклады и просьбы.

Пробежка заканчивалась возле водовода, где лейтенант принимал душ и возвращался в расположение.

Так и эти утром: Матвеев совершив свой ритуал, прибежал в расположение роты. Дежурный, сержант Саша Приходько, доложил: «Товарищ лейтенант, Вас срочно вызывает командир отряда!»

Матвеев быстро надел форму и отправился в штаб, который располагался в старой глиняной крепости. Вход в неё охраняли солдаты его роты, из группы лейтенанта Андрея Богданина. При входе дежурный показал пальцем на окно командира отряда и быстро задвигал руками, подтверждая срочность вызова.

Матвеев вбежал по глиняным ступенькам в кабинет командира.

– Товарищ подполковник! Лейтенант Матвеев...

– Садись.

Командир отряда прервал рапорт лейтенанта. Черненький от природы, загоревший под солнцем Афгана, он получил прозвище «Кара майор».

Командир посмотрел на Матвеева изучающе.

– Ситуация такова: пара вертолетов с Баграма выполняла разведывательный полет над Базаракком. Один из вертолетов при облете высот был сбит. Есть предположение, что экипаж живой. Из района предполагаемого падения вертолета слышны звуки боя. Подразделения 37 пехотной бригады «зеленых» удерживают дорогу на Базарак и контролируют ущелье на Мариштан. Позывные: советника 37 бригады – «Волга», командира вертолета – «Четыре

полсотни пять» или «Рыжий». Приказываю тремя группами вашей роты выдвинуться в район падения вертолета и эвакуировать экипаж. Поддержат вас подразделения 37 бригады и пара вертолетов по вызову. Ну, давай Матвей! И пусть тебе повезет!

Комбат пожал руку лейтенанту. Матвеев вышел из кабинета и направился к дежурному по ЦБУ. Подойдя к дежурному, он попросил его выйти по радио на третью роту и дать ей сигнал тревоги. Дежурный надел гарнитуру и передал в эфир: «Ракит! Я 830! Буря! Буря! Как понял? Прием!»

Матвеев, двигаясь в расположение роты, наблюдал, как БМД покидали капониры, солдаты маленьким колоннами бежали к своим машинам.

Рота Матвеева находилась в Афганистане уже больше года. Военные будни научили офицеров, солдат, не спрашивая, не уточняя, выходить по тревоге экипированными и укомплектованными на трое-четверо суток автономных действий.

Лейтенант подошел к своей машине, БМП-2к. Девять БМД и одна БМП, БТР саперов застыли в ожидании команды.

– Командиры машин ко мне!

Матвеев коротко поставил задачу, указал порядок выдвижения колонны. Машина командира роты под №30 выдвигается за машиной №33. Возглавляет колонну БТР с саперами-разведчиками.

Колонна, дымя моторами, вытянулась в сторону Базарака. Матвеев, сидя на командирском месте, пытался установить связь с советником и экипажем вертолета.

– Я – «Волга, слышу тебя, «Тридцатый». При входе в кишлак будь осторожен. Возможно минирование! При установлении визуального контакта вышлю посыльного.

– «Четыре полсотни пять», я – «Тридцатый». Иду на помощь. Прием!

Экипаж сбитого вертолета не отвечал.

Пара вертолетов, висела в синеве неба:

– «Тридцатый», я «Четыре полсотни восемь». Наблюдаю сбитый вертолет! Идет бой! «Рыжий» не отвечает.

– «Четыре полсотни восемь», нанеси удары по предполагаемым участкам духов.

Вертушки легли на боевой курс.

С шипеньем НУРСы ушли к земле.

– «Рыжий», я «Тридцатый»! Иду на помощь!

В гарнитуре, что-то щелкнуло, и Матвей услышал: «Я „Рыжий“, веду бой. У меня один „трехсотый“! Вертушки вижу, не могу с ними связаться. Патронов хватит на тридцать – сорок минут!»

– «Рыжий», я «Тридцатый»! Тебя понял. Иду на помощь!

Колонна остановилась. Это саперы-разведчики спешили и под прикрытием брони БТР медленно, со шупами, начали двигаться по дороге, ведущей в кишлак.

– «Тридцатый», я – «Волга», вижу тебя! Сейчас вышлю к тебе проводника.

Взрыв ослепил лейтенанта Матвеева. Грохот, жар, гарь и град камней обрушился на его боевую машину. Прикрывшись люком башенки, он в свой командирский прибор пытался рассмотреть происходящее на дороге.

Машины №33 на дороге не было. Вместо нее на дороге зияла воронка, диаметром более двух метров

– Товарищ лейтенант, смотрите!

Это наводчик-оператор – Слава Литвинов.

Матвеев повернул голову, куда указывал Литвинов. БМД стояла посреди реки Пандшер.

– «Тридцать первые»! К машине! Оказать помощь!

– «Тридцать четвертый», вперед!

Колонна, объезжая воронку и остановившиеся машины, медленно двинулась вглубь кишлака. В голове у Матвеева стучала одна мысль: «Господи! Сделай так, чтобы экипаж машины остался в живых!»

У полуразрушенной мечети колонну встретил переводчик советника. Забравшись на головную машину, он повел колонну вдоль берега Пандшера.

Зарывшись в песок по самые защитные щиты, расположилась артиллерийская батарея гаубиц. Советник стоял на бруствере.

Матвеев спрыгнул с машины, подошел к брустверу.

– Майор Шубин!

Юра Шубин! Советник был одет в афганскую форму, но, все равно, это был свой, родной, советский человек.

– Анатолий! – представился Матвеев.

– Смотри, Анатолий: вот там за скатами идет дым. Это место падения вертолета. Туда идет тропа, но мои «зеленые» контролируют только первые двести метров. Дальше работает снайпер духов. Сколько их, я не знаю. Могу вас поддержать огнем батареи. Давай карту! Вот основное направление – это мои цели, они пристреляны. Переноси себе.

– Командир! Куда машины будем ставить?

Это заместитель по технической части Сергей Литвиненко.

– Серега, что передает «Тридцать первый»?

– Эх!.. – Сергей, как-то сник. – У нас один двухсотый – Саша Шишкин, и два трехсотых – Кайрат Сулейманов и Николай Ершов. Я приказал машину уничтожить до конца.

– Хорошо!

Матвеев ответил машинально. А сердце трепетало в груди, вызывая спазмы горла. Хотелось разрыдаться!

– Серега, передай Андрею Богдашину, «Тридцать первому», следовать в расположение отряда. Оказать помощь раненым. Быть в готовности по команде выдвинутся к нам. Машины расположи за батареей. Наводчики-операторы находятся у орудий в готовности к открытию огня. Бронегруппой командуешь ты.

Две группы и группа управления уже спешили и выстроили колону для следования к месту падения вертолета.

– «Тридцатый», я «Рыжий». Ребята, у нас два раненых! Патроны на исходе! Быстрей, родные!

– «Рыжий», я «Тридцатый»! Тебя понял. Иду на помощь!

Колонна начала движение. Этот этап у спецназовцев назывался «оторваться от подошвы горы». Движение затрудняло то, что разведчики-саперы то и дело останавливались и проверяли местность на наличие мин. В небе повисли две вертушки.

– «Тридцатый», я «Четыре полсотни восемь»! Вижу духов! Подходят к сбитой вертушке.

– Я «Тридцатый»! Уничтожай самостоятельно!

Дозор, следовавший впереди колонны, упал и спрятался за камнями. Снайпер, догадался Матвеев.

– «Волга», я «Тридцатый»! Работает снайпер. По оговоренным целям – «Огонь!»

Внизу рявкнули гаубицы, и снаряды с шипением умчались за скаты высоты. Нужно прикрыться разрывами и броском выйти к вертолету, решил Матвеев.

Рота перекатами, прикрываясь огнём гаубиц, вышла на каменную гряду. Под ней на небольшой площадке лежал и горел вертолет. Метров двести от него, в камнях угадывались силуэты экипажа. Они обозначали себя короткими вспышками выстрелов. Вверху по карнизу размещалось до тридцати духов. Еще около десяти-пятнадцати находились уже у вертолета.

– «Четыре полсотни восемь», я «Тридцатый»! Направление удара – ракета красного огня. Карниз, там где-то тридцать духов.

Матвей прицелился и выстрелил из «авторучки» в направлении карниза.

– Я – «Четыре полсотни восемь», целеуказание принял.

– Пулеметчикам – в направлении вертолета, уничтожить группу духов!

Тяжелые ротные пулеметы требовали от пулеметчиков сноровки и силы. На эти должности он сам подбирал разведчиков, сам их и обучал.

Вот и сейчас по его команде они открыли уничтожающий огонь.

Вертолеты, сделав круг, с кряканьем и шипением нанесли удар по карнизу. Грохот, визг, и, самое главное, крик ужаса духов.

Матвеев со своей группой управления броском вышел к экипажу вертолета. Навстречу ему поднимались два летчика в камуфляже. Двое лежали, не в силах встать.

Один из летчиков был без шлема, с красно-рыжей шевелюрой.

– Ну вот, «Рыжий», я и пришел, – сказал Матвеев.

Быстро соорудив с помощью плащ-палаток носилки, разведчики начали эвакуацию раненых. Под прикрытием вертолетов и сосредоточенного огня пулеметов, раненых вынесли к бронегруппе.

МИ-8 приземлился и забрал «Рыжего» и его экипаж на борт. Обдав всех песком и пылью, вертолёт помчался в Баграм.

Матвеев надел шлемофон, нажал тангенту и послал в эфир: «Я – „Тридцатый“, задачу выполнил. Возвращаюсь».

Боль

Боль накатывалась, разрывая колено. Сон прошел. За окном серело. Я поднялся и, вскрикнув, присел на кровать. Такое состояние я испытывал, когда меня ранили в Афганистане. Жена, приподнявшись, удивленно смотрела на меня.

– Что случилось?

– Ты знаешь, ощущение такое, что у меня в колене огонь.

– Чем тебе помочь?

– Дай попить.

Жена надела халат и ушла на кухню. Я еще раз попытался встать. С трудом, но удалось. Ковыляя, начал движение.

Навстречу вышла жена.

– Вот! На! Попей.

Вода сняла напряжение и, казалось, даже жгучая волна боли стала уходить.

– В больницу пойдешь?

– Да.

Совсем недавно решением министра обороны я был уволен в запас. Встал на учет в военкомате, получил пенсионное удостоверение, а вот с правилами медицинского обслуживания пока еще не удосужился ознакомиться.

– Да! Пойду в военную поликлинику.

– Может, я с тобой?

– Не надо!

Погода в Москве напомнила, что на улице уже осень. дождь мокрой пеленой покрывал город, не оставляя сомнений: лето окончилось.

Медленно переставляя ноги, я все-таки добрался до дверей поликлиники. Над дверью гордо поблескивала медью табличка, оповещающая, что это поликлиника министерства обороны и носит она гордое имя академика Н. В. Бурденко.

– Вы куда? – это охранник.

– В регистратуру.

– Пропуск!

Я вспомнил, что раньше заходил, предъявляя удостоверение личности офицера. Но его у меня уже нет. Я сдал его в военкомате и взамен получил военный билет офицера. Я достал военный билет и предъявил охраннику.

– Это не тот документ, – сказал молодой человек, и сразу же сделался серьезным и подчеркнуто-властным распорядителем на входной двери.

– Так я же состою на учете в этой поликлинике.

– Идите в приемную, там отдел регистрации, пусть они выпишут вам пропуск на вход в помещение.

Выхожу на улицу и иду в направлении, указанном мне охранником.

В окошечке – две дамы. Одна увлеченно разговаривает по телефону. Другая, постарше, что-то пишет в развёрнутом журнале.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – сказала та, что разговорила по телефону.

– Девочки, тут такая вот история. Я давно уже лечусь в вашей поликлинике, но сейчас я уволился и уже пенсионер.

– Паспорт и пенсионное удостоверение, – это та, что писала в журнале.

Достаю паспорт и пенсионное удостоверение.

– Так вы прописаны не здесь! Вы прописаны в Лианозово, а мы в Лефортово.

– А живу-то я в Лефортово.

– Вы жить можете хоть на Луне, а лечиться должны в Лианозово.

Нога заныла, и боль начала распространяться по всему телу. Кроме физической боли прибавилось чувство тоски – в народе его называют «симптомом побитой собаки». На ум пришло сразу достаточно много вариантов ответа, но осознание, что я выступаю, по факту в качестве просителя, возымело действие, и я произнёс: «Девочки, я всё-таки ветеран боевых действий. У меня ранение, контузия».

Та, что постарше, свысока посмотрела на меня и произнесла:

– У меня муж тоже ветеран боевых действий.

Для чего это было сказано, я не понял. Наверное, чтобы как-то уравновесить наш с ней медицинский спор.

– А могу ли я увидеть начальника медицинской части?

– Он у нас в отпуске!

– А кто его замещает?

Этот вопрос заставил моих собеседниц изрядно поразмышлять. Одна сказала, что это, наверное, кабинет 24. Нет, сказала вторая – это кабинет 26.

Я развернулся и отправился в кабинет под номером 26. Табличка гласила, что здесь заседает врач-инфекционист. На стук никто не ответил. Приоткрыв дверь, я задал самый, наверное, идиотский вопрос в этот день: «Простите, могу ли я видеть начмеда?» Тишину разорвал голос, который поведал, что начмед в кабинете номер 52.

Медленно, преодолевая боль, я побрел в поисках этого кабинета. Я шел и думал, что зря я отказался от помощи жены. Опираясь на ее локоть, было бы легче двигаться. Вторая мысль была еще интересней: «Может, послать все к лешему. Само пройдет».

Но чем дальше я двигался, тем резче становилась боль, и я понимал, что само ничего не пройдет.

Вот и кабинет с номером 52. На нем скромная надпись – «Терапевт».

Стучу.

– Войдите.

Захожу. Миловидная женщина в белом халате.

– Я ищу начальника медицинской части.

– Я исполняю его обязанности.

Коротко объясняю ей суть дела.

– К сожалению, это так. Мы получили письмо от начальника медицинской службы Вооруженных сил России, где прописано, что офицеры-отставники должны лечиться по месту регистрации.

– Но живу я возле вас. А прописка, это так сказать, прошлые времена. Я жду получения жилья изо дня на день.

– Это не играет роли.

– Что же мне делать?

– Идти в свою поликлинику.

– Вы можете хотя бы снять боль?

– Хорошо! Я провожу вас в процедурный кабинет.

Мы вышли в коридор. Врач быстро побежала, цокая каблучками по полу.

Я медленно брел за ней, понимая, что боль в ноге связана с болью в сердце.

На улице бушевала осень. Это была осень моей уже не кадровой, а военно— пенсионной жизни.

А ногу? Ногу обезболили!

Но спустя час она начала болеть снова.

С минимальными потерями

Памяти капитана Бату Бимбаевича Батуева, заместителя командира первой роты 177-го отдельного отряда специального назначения

Хронос – молох времени, оставляющий после себя мрак и забвение. И только память оживляет прошедшее. Пока мы помним, мы живем, живут и наши товарищи, погибшие, выполнявшие воинский долг.

Осень 2007 года. Телефон подпрыгнул, завибрировал и сыграл мелодию «Давай за нас...» Голос Александра Мусиенко, ответственного секретаря журнала «Солдаты России».

– Анатолий, завтра в Химках открытие памятника погибшим спецназовцам. Приходи! Форма одежды парадная!

Памятник покрыт белым полотном. Угадываются контуры гор и птицы. Торжественные речи.

И вот убрано полотно. Подхожу к памятнику, ищу знакомые фамилии. Капитан Батуев Бату Бимбаевич. Память переносит в далекие восьмидесятые...

Афганистан. Населенный пункт Руха. Командир роты старший лейтенант Талай Шатемиров убывает в отпуск. Вместо него командиром роты остается старший лейтенант Алишер Агзамов. Последние напутственные слова: «Бату, ты как самый опытный, не давай молодым зарываться. Берегите людей!»

Рота занимает несколько домов. Первая группа, усиленная минометчиками, несет боевое дежурство на горе Дарялавушт. Остальные обслуживают технику, благоустраивают быт. Обстановка в целом мирная, если так можно, конечно, говорить о войне.

Возле штаба отряда оборудована вертолетная площадка. Раз в неделю садится дежурный борт из Баграма. Наиболее опасное направление – Базарак. Деревушка на берегу реки Пандшер. Река делает изгиб и мощью своих вод выносит песок на берег. Так образовался песчаный остров, который между собой мы называли «пляж».

– Матвей, я в штаб! – это Алик Агзамов. – Керимбаев вызывает. Всем офицерам и прапорщикам ждать меня!

Вернувшись, Агзамов сообщил приказ командира отряда: «Завтра в шесть утра выходим в Базарак. Задача: оказать помощь бригаде „Коммандос“, которая расширяет зону влияния. Выдвигаемся на технике. Нас поддерживает артиллерийская батарея. На выход берём взвод саперов».

Ранним утром ротная колонна без первой группы двинулась на Базарак. Шесть километров рота преодолела без происшествий. Вот и штаб бригады «Коммандос». Синие «Зил—130» укрыты в тутовой роще. Горят костры. Афганцы готовят чай.

Подходит советник командира бригады Володя Бородач:

– Бригада – это громко сказано! Могу поставить в строй человек сто пятьдесят. Люди злые, голодные. Горы заняты душманами.

Агзамов производит боевой расчет:

– Вторая и третья группы возглавляют колонны афганцев. Занимаем ближайшие высоты и обеспечиваем огневое прикрытие афганцев, которые прочесывают местность. В случае контакта с душманами принимаем бой и выбиваем их из занятых районов. Выдвижение в горы осуществляется под прикрытием огня артиллерии.

Командир роты – со второй группой, замполит роты – с третьей. Быстрое перестроение, и вот две колонны медленно начали подъем по своим направлениям. «Кроты» – это саперы-разведчики – щупами проверяют тропу.

Главное в горах – оторваться от подошвы, а потом устанавливается особый ритм, который позволяет равномерно, без сбоев, двигаться к цели.

Бату идёт с командиром группы Мишкой Усеновым. Группа достигла указанной высоты. Командир произвел расчет, организовал систему огня. Афганские солдаты заняли позицию левее группы.

Вторая группа Матвеева перекрыла тропу, которая спускалась с гор к реке. Алик Агзамов связался со штабом бригады и доложил о готовности к действиям.

Внизу, в долине, медленно двинулась серая змейка. Это афганские подразделения приступили к прочесыванию. Постепенно змейка распалась на несколько групп, которые то появлялись, то исчезали в зелени виноградников.

Выстрелы душманов прозвучали как-то несерьезно. Глухо, как будто удары молотком по дереву. В ответ афганцы открыли беспорядочный огонь. Матвеев, Агзамов прикинули к окулярам бинокля, пытаясь отыскать огневые точки душманов. Есть! Агзамов по радиостанции уточнил командиру батареи цели.

И вот уже взрывы снарядов дают огневые точки. Медленно, как бы нехотя, но пули начали щелкать по укрытиям, которые занимала группа Матвеева. Группа редким огнем стала отвечать.

Впереди на позициях афганцев взметнулись два шлейфа взрывов. Это разрывы минометных мин. По гребню гор стали проявляться вспышки. Огонь мятежников усилился. Об аналогичном доложил и Усенов.

– Матвей, а нас кажется обходят, – это Алик Агзамов. – Посмотри вон туда.

В бинокль Матвеев увидел около пятнадцати человек, которые, перебегая и прячась между камней, выходили в тыл группе. Два пулеметчика открыли огонь по душманам. Те залегли.

Доклад Усенова поверг в шок: афганцы из бригады бросили позиции и бегут в сторону душманов. Агзамов приказал Усенову сменить позицию и выйти в зону, где есть возможность контролировать бой огнем второй группы.

Ситуация складывалась довольно сложная. Внизу – действующие группы афганской армии. Справа афганцы бросили позиции. Впереди – ненадежное афганское подразделение, которое готово в любой момент убежать с поля боя. С тыла – попытки душманов отрезать путь к отступлению.

Агзамов доложил командиру отряда. Он подтвердил приказ – выполнять поставленную задачу.

Группа Усенова и Батуева подошла ко второй группе и организовала оборону ската, обращенного к долине реки Пандшер. Бой одновременно разгорался внизу и в горах. Бронегруппа роты огнем из своих пушек поддерживала действия «Коммандос». В воздухе – дежурная пара вертолетов МИ-24. Через авианаводчика Алишер наводит машины на цели.

Грохот боя уже заглушает рокот вертолетных моторов. Душманы не предпринимают активных действий. На связи Володя Бородач. В направлении, которое прикрывает Усенов, установлены мины. В основном ПОМЗ-2. Мины ставили афганские минеры. Вот почему душманы не предпринимают попыток прорваться здесь! Агзамов решает захватить и удерживать спуск в долину на случай отхода.

– Бату, возьми отделение и продвигайся к тропе. Держи ее. Она нам пригодится.

– Матвей, смотри!

Солдаты-афганцы, подняв руки, побежали в разные стороны. Самое страшное, что душманы открыли по ним огонь. Агзамов вызвал огонь артиллерии.

Ну, вот мы и одни! Впереди – никого. Операция принимала незапланированный ход. Замысел на оказание помощи афганской бригаде рухнул. Рота втянулась в прямое противоборство с душманами и взяла всю тяжесть боя на себя.

На связи Бату:

– Вижу группу душманов. Устанавливают миномет. Принял решение – расчет уничтожить!

Усиление шума боя показало, что Бату сосредоточенным огнем отделения пытается уничтожить расчет.

Бату находился ниже по гребню. Только грохот боя показывал, что он решает задачу. Взрыв, черный шлейф в зенит. Это – не минометный взрыв!.. Это взрыв наземной мины.

...На участке Бату – тишина. Матвеев с группой солдат перебежками вышли на его позиции. То, что Матвеев увидел, потрясло его до глубины души. Солдаты на плащ-палатке выносили то, что еще пять минут было его другом Бату.

За год Матвеев посмотрелся на издержки войны, нервы закалились и не давали вырываться эмоциям наружу. А здесь губы затряслись, сердце сдавило. С трудом доходящие до сознания слова: «Афганцы бежали, замполит пытался их предупредить о минах. И – взрыв мины!»

Матвеев командовал: «Огонь!» Огонь как отмщение, как наказание, как завершение задачи, которую выполнял капитан Батуев.

...Капитан Бату Бимбаевич Батуев ценой своей жизни спас афганское подразделение, в панике вышедшее на своё минное поле. Первая рота специального назначения 177-го ОО СпН боевую задачу выполнила с минимальными потерями. Населенный пункт Базарак перешел под контроль правительственной армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.